

НАТАЛЯ
НЕСТЕРОВА

Встать, суд идет!

Наталья Нестерова

Встать, суд идет! (сборник)

«АСТ»

2015

Нестерова Н.

Встать, суд идет! (сборник) / Н. Нестерова — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-091407-4

Татьяна Владимировна — хирург, что называется, от бога, «кудесница», как называют ее спасенные пациенты. Но вот личная жизнь Татьяны не задалась — тяжелый развод, непростая жизнь с маленьким сыном и родителями в однокомнатной тесной квартирке на окраине мало кому прибавят оптимизма. Однажды в отделение поступает новая пациентка, некая Журавлева, и Татьяна узнает в ней судью, которая самым бессовестным образом помогла ее мужу-мерзавцу выиграть бракоразводный процесс, обобрать ее и родителей и превратить дальнейшее существование в сплошную муку. Никого в жизни Татьяна не ненавидела с такой силой, как эту самую Журавлеву... Сборник также издавался под названием «Ты не слышишь меня»

ISBN 978-5-17-091407-4

© Нестерова Н., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Ты не слышишь меня	5
Виктория	5
Виктор	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Нестерова

Встать, суд идет!

Сборник

Ты не слышишь меня

Виктория

Виктория Вольская, правда, звучит? Вольская – моя девичья фамилия. После замужества стала Потемкиной. Тоже неплохо, отдает стариной, дворянством. Дурачась, я спрашивала мужа:

– Меня не станут обзывать потемкинской деревней?

– Вряд ли, – не оставался он в долгу. – Ты уже пообтесалась в городе, не заметно, что сельская.

– Я родилась в Кировске, пятьдесят километров от областного центра! Это не деревня, а стотысячный город.

– Разве? И на картах обозначен?

– Сейчас получишь по шее!

Веселые потасовки, шутивая борьба заканчивались прекрасными бурными примирениями в постели.

Но я бы вышла за него, носи Виктор любую смешную фамилию. Была бы Пупкиной, Тяпкиной или Ляпкиной, только бы Витиной женой.

Ничего в жизни я не хотела так страстно, как стать женой Виктора. Не дождалась его предложения, сама сделала.

Мы встречались несколько месяцев, как шпионы для явок, постоянно искали квартиры, комнаты для свиданий. Снять жилье не позволяли финансы. Я училась в университете на экономическом факультете, жила в общежитии. Витя несколько лет назад окончил институт, работал на заводе металлоконструкций. С отцом и матерью, которая серьезно болела, Витя жил в небольшой двухкомнатной квартире.

Мы встречали Новый год в общежитии, в шумной компании. Когда пробили куранты и было выпито шампанское, Витя наклонился к моему уху:

– Какое желание ты загадала?

– Стать твоей женой! – выпалила я. – Нескромно девушке в этом признаваться, зато чистая правда.

Я замерла, боясь увидеть на Витином лице гримасу растерянности, бегающие глаза, услышать, как он переводит все в шутку. Но Виктор разочарованно, по-детски, надул губы:

– Не настоящее желание, и так понятно, что мы поженимся. Вот только мама... – запнулся он и вмиг посерьезнел.

Он хотел сказать: «...Мама поправится». Но уже стало ясно, что она не поправится никогда. Сказать же: «Вот только мама умрет» – было немыслимо. Витя очень любил маму. Я свою тоже люблю, и братья мои любят, но по-другому. Если моя мама, дай бог ей здоровья, уйдет из жизни, я буду очень-очень горевать, но из-под меня это все-таки не выбьет жизненную опору. Из-под Виктора и Максима Максимовича опору выбило, казалось, их лишили точки равновесия. Покойную Анну Дмитриевну я не знала толком. Видела лежавшую в постели шестидесятилетнюю женщину, которую болезнь превратила в древнюю сухую старушку. По воспомина-

ниям Вити и его отца, Анна Дмитриевна обладала всеми возможными достоинствами, была ангелом во плоти.

Неизвестно, какой свекровью была бы ангел. Моя мама как-то заметила: «Пусть земля будет пухом той женщине! Но тебе, Вика, повезло. Добрых свекрух не бывает». Моей маме бабушка, папина мама, изрядно попила крови. Хотя меня и братьев бабушка любила и баловала отчаянно.

Мы поженились через три месяца после смерти Анны Дмитриевны. Свадьбы, торжества как таковых не было. Тихо расписались в ЗАГСе, я переехала к Вите. Мне хотелось, конечно, и подвенечного наряда, и фаты, и цветов, поздравлений, подарков, шумного банкета в ресторане, хотелось, чтобы многочисленная кировская родня качала восхищенно головами: какого парня Вика отхватила! Но я не могла заикнуться о торжестве в дни траура, который у них продлится, как я поняла потом, всю жизнь. А Виктору в голову не пришло, что у меня могут быть нормальные желания девушки, которая выходит замуж один раз и на всю жизнь.

Печальней моей «свадьбы» придумать сложно. Максим Максимович, Витя и я сидели за столом с красивой посудой, хрусталем, но со скромной едой. Максим Максимович искренне поздравлял нас, но едва не давился слезами, наверняка думал: «Аннушка не дожила!» Витя переживал по тому же поводу, плюс из-за отца, плохо изображавшего оптимизм.

Я подняла фужер с шампанским и проговорила заранее придуманный тост:

– Знаю, что не смогу вам заменить несправедливо рано ушедшую из жизни Анну Дмитриевну. И никто не сможет заменить. Но я сделаю все, что в моих силах и сверх моих сил, чтобы в этом доме было тепло и уютно, чтобы вы чувствовали себя хорошо. Давайте выпьем, не чокаясь, за светлую память Анны Дмитриевны, пусть земля ей будет пухом!

За моей спиной находился диван, на котором провела последние месяцы и умерла Анна Дмитриевна. Витя и Максим Максимович время от времени на диван поглядывали, точно надеялись увидеть ее призрак. На этом диване мне предстояло провести первую брачную ночь. Пусть не в смысле лишения девственности, это у нас произошло на скрипучей кровати в общешжитии, когда соседки отсутствовали, но все-таки ночь в качестве законной жены. На постели умершей! Максим Максимович переселялся в маленькую комнату, прежде Витину, нам отходила большая комната Витиных родителей с тем самым диваном. Меня пугало смертное ложе до судорог.

Что в этом странного или обидного? Вам хотелось бы оказаться в постели, где почти сутки лежала покойница?

Когда убрали со стола, вымыли посуду, я не выдержала. Стиснула кулаки, прижала к груди, взмолилась:

– Витенька, я не могу! Не могу на этом диване! Это как в могилу лечь!

Он зыркнул, то есть бросил на меня недобрый взгляд, и процедил:

– Понял. Сейчас исправим.

Я сидела на кухне, казнила себя. Витя с отцом меняли местами диван и тахту из маленькой комнаты. Мебель не проходила в двери, пришлось их снимать, передвигать сервант, платяной шкаф, выносить книжный шкаф из Витиной комнаты, потому что между диваном и книжным шкафом теперь можно было протиснуться только боком. Витя и Максим Максимович больше часа двигали и расставляли мебель. Я торчала на кухне, боялась нос показать.

Хорошее начало. Я пафосно провозглашаю, что буду хранительницей очага, буду нести тепло и создавать уют, а потом заставляю до седьмого пота таскать мебель. Я лишена многих способностей: от музыкальных до художественных в смысле рисования. Но во мне прячется чуткий камертон, улавливающий настроения окружающих. Я всегда совершенно точно знаю, как выгляжу со стороны, что думают обо мне люди.

Ничего хорошего думать обо мне Витя и его отец не могли.

И все-таки первая наша ночь в качестве законных мужа и жены была прекрасной. Как и предыдущие «незаконные» ночи и короткие часы в чужих квартирах, в общежитии. Когда мы были вместе – вместе по-настоящему, слиты телами и духом, – мы переносились в другую реальность, где, кроме счастья, существовало только еще большее счастье.

* * *

В любовь с первого взгляда я не верю. Обидно представить, что ты, личность неординарная (а таковой себя считает каждый человек), со своим опытом, знаниями, достоинствами вдруг, после первого взгляда на представителя противоположного пола теряешь голову, становишься безвольной и мечтаешь лишь о поцелуе этого красавчика-бонвивана. Поскольку в некрасавчиков с ходу не влюбляются, то смазливый молодым людям не было бы прохода от девушек, они страшились бы выйти на улицу. А девушкам средней симпатичности грозила бы судьба старых дев, в то время как у очаровашек имелся бы переизбыток кавалеров. Такого не наблюдается, к счастью.

Но все-таки иногда пробегает некий разряд невидимого электричества, когда вдруг столкнешься с человеком, тебя поразившим. В первый момент даже не можешь понять – чем поразившим. Разряд, удар – и ты под напряжением. У меня несколько раз случалось. Сильнее всего шандарахнуло, когда увидела Виктора.

День рождения двоюродной сестры, прибывают гости, муж сестры их встречает, проводит в комнату.

– Вика, познакомься, это Виктор!

– Добрый вечер! – сказал Виктор.

Меня ударило током в ту секунду, когда он открыл рот. А на второй секунде я поняла, что после электрошока буду выглядеть очумелой и онемевшей от восхищения дурочкой, которая смотрит на парня с щенячьим восторгом, двух слов сказать не может, а только мычит и блеет. Разозлившись на себя, я буркнула: «Привет!» – и отвернувшись, продолжила накрывать на стол.

Если бы Виктор не проявил ко мне интереса, если бы наше общение не продолжилось, полученный разряд просто растворился бы. Мои предыдущие влюбленности, начинавшиеся с острых уколов, легко сходили на нет. Я могла несколько дней или даже неделю мечтать о парне, которого случайно увидела в автобусе. Но мы больше не встречались, и в памяти оставалась только досада: что ж я такая впечатлительная! Короткие романы, числом три штуки, закончились моим полным разочарованием. Парни, поначалу вызвавшие короткое замыкание в моем сердце, оказались скучными до зевоты и жаждущими секса до умопомешательства. Какой секс может быть с человеком, если я вижу его третий раз? Не на ту напали.

Электричество благополучно уходило в землю. Не зря ведь говорится, что человек – существо приземленное. От себя добавлю: имеющее внутри молниеотвод. Мой персональный молниеотвод пусть не за неделю, за месяц справился бы с нагрузкой. Но не суждено было.

За столом я ловила Витины взгляды, но сама на него прямо не смотрела. Потом заметила, что он отражается в зеркале, висящем на противоположной стене. Не выкручивая голову, не кося глазами, я могла рассматривать его, как бы глядя в сторону. Витя потрясающе красив. Сейчас-то я привыкла, его внешность для меня ныне такая же родная, привычная и слегка потрепанная, как у старого мишки Феди – моей любимой детской игрушки. В детстве я спала в обнимку с Федей, после замужества – с Витей. Внешние данные того, кто оберегает ваш сон, значения не имеют. Когда потрясающий мужчина Витя превратился в медвежонка Федю, я не заметила.

Если бы снимался романтический фильм о жизни древних русичей, то лучшего, чем Витя, героя режиссеру было бы не найти. Рост метр восемьдесят пять, широкие плечи, узкие

бедра, сильные руки в опушке золотистых волосков, мощная шея, правильной формы голова, светлые вьющиеся волосы, черты лица несколько кукольные, но не девчачьи, эта кукла – викинг.

Глядя в зеркало, наблюдая за мимикой, жестикуляцией Виктора, оценив его рост, когда он поднялся, чтобы сходить за чем-то в кухню, я почувствовала себя рыбаком, вокруг сетей которого ходит редкая большая рыба. Говорю откровенно: был азарт, желание поймать при полном незнании того, какие наживка и прикормка требуются.

Я откровенный человек, терпеть не могу вранья, правда выстреливает из меня в самых неподходящих ситуациях. Очень мешало на работе. Но я сумела обернуть этот недостаток в свою пользу. Поскольку на фирме все уверились, что Вика режет правду-матку, а я научилась-таки лукавить, то теперь мое вранье принимают за чистую монету. Весьма выгодно в производственных делах.

Когда наши отношения стали близкими, я призналась Виктору:

- Втюрилась в тебя с первого взгляда.
- Будет врать! – не поверил он.
- Честно-честно!
- Ты смотрела на меня как на таракана двухметрового роста.
- Это от смущения.
- Сейчас придумала, задним числом, – с непонятным нажимом произнес Витя.

Мы лежали на диване в квартире Витиного приятеля. У нас было еще десять минут после любви. Минуты после любви бывают прекрасней самой любви. Десять минут на теплые разговоры, потом вскочить и за пятнадцать минут привести квартиру в первоначальный вид. Итого двадцать пять минут. Считая с момента, как мы переступили порог, – полтора часа. Из-за этих подсчетов мне и хотелось страстно замуж. Чтобы не смотреть на часы, чтобы Витя всегда был мой, со мной – по закону, по праву, по любви.

- А что ты подумал, когда мы познакомились? – спросила я.
- Подумал, что водки может не хватить при такой закуске.
- Я серьезно!
- Серьезней некуда. Когда бегают за дополнительной водкой, народ назюзюкивается до положения риз.

- Каких риз?
- Не знаю. Мама так говорила про пьяных – до положения риз.
- Не говорила, а говорит! Анна Дмитриевна еще жива!
- Да, верно, – нахмурился он. – Встаем?
- погоди, ты мне не ответил. Какое я произвела на тебя первое впечатление?
- Ты меня... – Он встал, слегка нахмурил брови, подбирая слово.
- «Восхитила, очаровала», – мысленно подсказывала я.
- Заинтересовала, – сказал Виктор. – Перебрали время. Пулей сворачиваемся, я обещал Юрке, что оставим квартиру в первозданном состоянии. Его жена еще тот Шерлок Холмс.

На дне рождения двоюродной сестры, когда мы познакомились, после застолья были танцы. Как водится: быстрые танцы, когда всяк выламывается, как умеет, медленные танцы под сентиментальную музыку. Это раньше были у танцев названия, а теперь быстрые и медленные – по типу музыкального сопровождения. Чего еще ждать, если танцуем между шкафами и столом?

Я хотела бы иметь дом, в котором будет танцзал, со светом, льющим с потолка, с музыкой объемного звучания. Мои гости, уверена, с удовольствием разучивали бы па мазурки или вальса под руководством дорогого балетмейстера. Научившись, с не меньшим удовольствием

скользили бы по паркету моего танцзала в специально сшитых нарядах. Это ведь лучше, чем пить вино под холодец в тесной бетонной коробке с названием отдельная двухкомнатная квартира?

Виктор пригласил меня на медленный танец. У Виктора оказались невесомые руки. От них шло тепло, но тактильного контакта словно не было, я не чувствовала его прикосновений. Это было восхитительно. Потому что я не люблю медленных танцев – узаконенных обжиманий под музыку с нетрезвым партнером.

Надо было уходить, державшиеся на ногах гости выпили чай и съели торт. Виктор сейчас простится, и я никогда его больше не увижу. Рыбак из меня никудышный, не знаю, как удерживать золотую рыбку. Попросить двоюродную сестру или ее мужа: пусть Витя меня проводит? Самой напроситься? Мельтешение мыслей и страх, страх, страх. Как зависание над пропастью, момент между жизнью и смертью: либо воспарю в небо, либо рухну в бездну.

Я за многое признательна Вите, благодаря ему из провинциальной девушки выковалась стойкая бизнес-леди. Пусть «благодаря» – вопреки. В сражениях с его дремучей совковостью. Но за тогдашнее избавление меня от страха я буду благодарна ему до гробовой доски.

Только представьте двадцатилетнюю девушку, у которой шаровые молнии пляшут внутри, которая умирает от мысли: больше не увижу его, он не пойдет меня провожать. Умру, точно умру!

Витя пошел меня провожать. До общежития было минут тридцать ходу. О чем мы говорили, не помню. Я была счастлива, оттого что не умерла, и стойко помнила про сохранение лица.

Поэтому, наверное, выпалила на ступенях общежития:

– Только не вздумай меня целовать!

– Не буду! – сделал дурашливое лицо Витя. Шагнул в сторону и притворно смущенно, ковыряя носком ботинка в земле, проговорил: – Целоваться я не умею.

Это было невозможно потешно: здоровый, красивый сильный мужик говорит, что никогда не целовался.

Мой хохот кого-то разбудил на первом этаже. Распахнулось окно, и оттуда понеслись угрозы, что вызвало у меня новый приступ смеха.

– Вот теперь я тебя вижу настоящей и живой, – сказал Витя. – Научишь меня поцелуйчиком?

Заскрипел замок в двери, вахтерша-цербер выползала порядок наводить.

– Когда? – быстро спросила я.

– Завтра в семь у кинотеатра «Салют».

– Какой фильм идет?

– Это имеет значение?

Голливудский боевик с погонями, стрельбой, кровавыми драками. Я вижу набор сменяющихся картинок, смысл происходящего до меня не доходит, потому что постоянно жду, что Виктор приступит к обещанным поцелуйчикам. Но Витя не отрывает взгляд от экрана, живо реагирует на борьбу хороших полицейских и плохих бандитов. Финальная сцена, хорошие победили, по экрану плывут титры, в зале включили свет, народ тянется на выход. Я испытываю разочарование. Хотя собиралась ответить отпором на попытки меня целовать. Раскатала губы и одновременно приготовилась изображать из себя недотрогу. Кокетка-дилетантка! И снова страх: это свидание может быть первым и последним. Напрасно три часа потратила на макияж и прическу, вбухала все деньги в новые джинсы и кофту, выпросила туфли у соседки по комнате. Заняла деньги у подруг и теперь до конца месяца сидеть на концентратах – сухой лапше за тринадцать рублей. На деньги – плевать! Имей миллионы, отдала бы их, только бы снова увидеться с Витей. Но какой ему интерес во мне? Я никак себя не проявила, не блеснула

остроумием, боюсь рот открыть в его присутствии. Точно умственно отсталая. Как говорила моя бабушка: ни мэ, ни бэ, ни кукареку. Рассчитывать на свою небесную красоту не приходится. Красота моя стандартная. Хочется плакать. Витя обсуждает фильм, вспоминает удачные сцены. Точно пацан, радуется увиденной классной драке. Совсем как мои братья в детстве. Я поддакиваю, невнятными звуками поддерживаю диалог, если это можно назвать диалогом. Мы подходим к общежитию. Сейчас Витя скажет: «Пока! Я позвоню!» И не попросит номер сотового телефона. Чувствую, как стиснуло горло, как наворачиваются слезы. Мне уже хочется только рыдать, оплакивать свою несчастную судьбу.

– Вика, я позвоню?

– Угу! – поворачиваюсь к нему спиной, чтобы открыть дверь.

– Вика, я позвоню? – повторяет он.

– Ага.

– Эй! – зовет он. – Чтобы позвонить, нужен твой номер.

Тут на несколько минут я схожу с ума. Из огня в ледяную прорубь или наоборот. Резко оборачиваюсь, бросаюсь Виктору на шею, пугаюсь, отскакиваю, бегу к двери, рывком открываю, влетаю в помещение, воплю в лицо вахтерше: «Ой, мамочка!» Снова вылетаю на улицу. Виктор стоит в недоумении. Я лихорадочно ковыряюсь в сумочке, наконец нахожу телефон и принимаюсь зачем-то давить на кнопки.

– Вика, какой у тебя номер? – спрашивает Виктор.

– Не знаю!

Я не могу вспомнить номер своего телефона. Спроси меня дату и год рождения, не отвечу. В голове вакуум, и только одна мысль бежит по кругу, по границе вакуума: он меня не бросил!

Виктор забирает у меня телефон, нажимает на кнопки, звонит его телефон, Виктор нажимает «отбой», возвращает мой аппаратик.

– О'кей! Позвоню! Пока!

Я наблюдаю за его удаляющейся фигурой с тем сладким замиранием сердца, какое бывало в детстве на Новый год, когда Дедушка Мороз, раздав подарки, уходил, обещая вернуться следующей зимой. Он снова придет и снова принесет подарки!

От полноты чувств перед столом вахтерши, которая одна стояла взвода полиции нравов и пресекала любовные похождения девушек и юношей с изощренной свирепостью, я исполнила танцевальные номера. Подпевая себе: «Тра-та-та-та!» – прошлась в лезгинке и сделала «ковырялочки» (пятка-носок, пятка-носок, руки перед грудью) из русской «барыни».

– Втюхалась! – констатировала вахтерша. – Ну-ну! Пляши, пляши, все равно заплачешься потом.

До «потом» было еще очень далеко.

Витя позвонил через пять дней – самых для меня мучительных. Я держала телефон в руках днем и ночью. Я не могла есть, учиться, общаться с подругами и родственниками. С одинаковой силой меня терзали отчаяние и надежда. Отчаяние погружало в пучину безысходности: он никогда не позвонит. Надежда дарила призрачный оптимизм – короткий, рассыпающийся в прах, очень болезненный. Я в сотнях ситуаций прокрутила в голове нашу будущую встречу и вспомнила по мгновениям знакомство с Витей и единственное свидание. Я сходила на последний сеанс и посмотрела заново американский боевик. Я рыдала в темном зале под перестрелки и погони. Бессонными ночами я докатилась до самобичевания, в котором и разобратся-то не могла. Если бы я была не я, то я бы не полюбила такую, как я. Тогда кто я, которая не полюбила?

У меня был номер телефона Виктора, и я постоянно играла в игру: наберу его, если не позвонит через три часа. Звонка нет. Наберу через два часа, утром, вечером – и так бесконечно, с десятками вариантов начала разговора: «Ты не потерял мой номер?», «Не хочешь пойти

в театр, у меня лишний билет, подруга заболела?», «У нас в общежитии вечер юмора. Команда КВН обкатывает программу. Не хочешь посмотреть?». Один вариант казался глупее другого, и белыми нитками было шито мое стремление встретиться. Я удержалась, не набрала его номер.

– Привет! – раздался в трубке голос Вити.

Я уже не верила, что позвонит, надежда умерла, а отчаяние дошло до той стадии, когда все становится безразличным. Но его голос вливал в меня жизнь, как будто в пересохшее горло умирающего от жажды вливалась по капле живительная влага.

– Алло! Вика? Это Виктор. Узнала?

– Да! – просипела я.

– Хотел пригласить тебя на футбол, но ты, похоже, плохо себя чувствуешь? В другой раз? Меня подбросило на месте: какой «другой»?! До другого раза я не доживу.

К футболу я, мягко говоря, равнодушна. Об этой игре лучше всего сказал Жванецкий: что-то вроде «тысячи бедных людей на трибунах смотрят, как два десятка миллионеров гоняют мяч».

– Футбол – это классно! Обожаю футбол! На каком стадионе?

– На стадионе в Париже, – ответил Витя. – Решающий матч.

– В Париже? – ахнула я, неведь что представив.

– Собираюсь посмотреть матч в спорт-баре. Ты точно нормально себя чувствуешь?

– Абсолютно! Где встречаемся?

Он назвал место и время. У меня оставалось два часа. Горячей воды в общежитии не было – отключили на три недели. Греть в кастрюльке воду некогда. Я верещала под холодным душем так, что слышно было на всех этажах. Я сушила голову феном и одновременно утюжила блузку. Соседки по комнате, наблюдая мои метания, заключили: «Вику колбасит не по-детски». Взяли дело в свои руки. Одна укладывала мне волосы, вторая гладила блузку из моего скромного гардероба. Блузки не годились.

– Буду выглядеть беднячкой, одевающейся в секонд хэнде! – блажила я.

В ход пошли вещи подруг. Я красила ресницы и забраковывала одну блузку за другой. С джинсами было не до жиру: последние купленные мной – единственные по размеру и фирменному качеству подходящие. Если бы мама узнала, за сколько я покупаю брюки, она лишила бы меня ежемесячной дотации.

Одна из подруг, на свой вкус, обвела мне губы по контуру темно-коричневым карандашом, закрасила их малиновой помадой, сверху отлакировала блеском. Ниже носа у меня образовалась нечто вроде розочки, невыносимо вульгарной.

– Какая пошлость! – воскликнула вторая подруга. – Вика, ты похожа на вокзальную шлюху!

Первая подруга стала возражать, они заспорили. Я стирала краску с губ и вопила:

– Опаздываю!

Моя лихорадка заразила девочек. Одна мазала мне лицо своей дорожкой крем-пудрой, купленной для особых случаев. Вторая доставала из чемодана ненадеванную кофточку, которую берегла опять-таки для особых случаев.

Я примеряла кофточку и быстро говорила:

– Мы, женщины, не меняемся. У нас обязательно что-то есть для специальных случаев. Бабушка как-то достала из сундука и показала мне юбку, блузку и платок. «На твою свадьбу надену, – сказала бабушка. – Или в этом меня похороните». Она умерла год назад. Лежала в горбу в том самом новеньком наряде. Я не могу понять, зачем надо хранить годами одежду, которая потом сгниет? Предстать перед Богом наряженной? Так ведь перед ним святые блаженные представляли оборванцами. Но моя бабушка усвоила от своей бабушки, а та – от своей – надо уходить чистыми и наряженными.

Я говорила, говорила, не могла остановиться.

– Какая бабушка? – воскликнула одна подруга. – Ты катастрофически опаздываешь!

– Сорок минут опоздания – максимальное время при самой пылкой любви, – напомнила вторая подруга.

Они вытолкали меня за дверь. Я трусой, через парк, минуя оживленную улицу с автобусами, мчалась на свидание. И я была очень довольна собой. Не тем, как выглядела. Я понятия не имела, как выгляжу. Я была счастлива, потому что ядовитые мысли о Викторе уступили место светлым воспоминаниям о бабушке, и вместо вакуума в голове что-то плескалось.

Виктор не обратил внимания ни на мой наряд, ни на прическу. Глянул мельком, приветкнул и стал быстро спускаться по ступенькам. Бар находился в подвальном помещении. Десяток столиков, все заняты, большие телевизионные панели на стенах. Свет приглушен, только стойка бара освещена разноцветными лампочками. Нам принесли пиво, соленые баранки и орешки. Матч уже начался. Я оглянулась по сторонам. Женщин мало, но есть, как и мужчины, они взглядами прилипли к экранам. Болельщицы. Значит, и мне надо изображать пламенную поклонницу футбола. Но очень захотелось в туалет. Я тихо выскользнула из-за стола, подошла к стойке.

– По коридору вторая дверь направо, – не дожидаясь моего вопроса, сказал бармен.

Он протирал стаканы и тоже внимательно следил за игрой.

На обратном пути бармен предложил:

– Не хотите сделать ставку?

– Что? – не поняла я.

– У нас тут вроде тотализатора.

В кармане у меня было двенадцать рублей – столько стоил проезд в автобусе, неприкосновенный запас. Его я и поставила – на сборную Франции.

Поскольку я несколько дней голодала, от пива меня развезло, но хмель был веселым, а футбол вдруг стал азартнейшей игрой. Братья еще в детстве научили меня свистеть, заложив в рот два пальца, от братьев я знала и выражения болельщиков. Я оглушительно свистела, а потом орала:

– Судью – на мыло! Продался лягушатникам! Давай, милый, веди, веди! Потерял мяч! Нет, это не нападающий! Это полунападающий! Полузащитники, полунападающие! – клеймила я сборную России. – На вас страна смотрит, ребята! Что вы ползаете, как мухи? Ваши матери и жены вам не простят! Мальчики, мы вас любим! Вперед!

Я впервые поняла, почему люди пьют. Такой кайф! Никаких проблем: неразделенная любовь к Виктору, чужая кофта, залитая пивом, – все ерунда. Только замечательная игра футбол и куражная страсть болельщицы.

Мой организм превратился в фабрику по переработке пива, алкоголь заменил кровь в сосудах. Почки работали на полную мощность, периодически я убегала в туалет, мчалась обратно, боясь пропустить голевой момент. В правилах игры я не разбираюсь совершенно, но почему-то несколько раз точно угадывала случившееся, выкрикивая до судьи: «игра рукой», «положение вне игры», «угловой», «мяч в центре поля».

Я свистела и вопила:

– Рука! Zenки протри, судья! Тебе только в интернате для престарелых по лужайке ползать!

«Кажется, было касание рукой, – говорил комментатор. – Давайте посмотрим повтор».

Меня подстегивало и то, что Виктор глядел на меня с восхищенным удивлением и хохотал.

На перерыв команды ушли со счетом «ноль-ноль». У меня, несколько уставшей бесноваться, закралась мысль, что веду себя неадекватно. Но после очередного посещения туалета, перед вторым таймом, я обнаружила, что остальные болельщики сдвинули свои столы к нашему столику. Теперь мы полукругом сидели у экрана «нашего» телевизора.

– Еще пива? – спросил Виктор.

– Непременно! – кивнула я, хотя «еще пиву» было некуда поместиться в моем организме, оно только из ушей не брызгало.

Я не могла обмануть ожиданий примкнувших болельщиков и активно реагировала на действие, происходящее на поле. Когда нашим забили гол, я пресекла уныние:

– Спокойно! Если русских бьют, они звереют. Правда, бить надо долго, иначе засыпают богатырским сном. Вспомним отечественные войны – двенадцатого, тысяча восемьсот, и сорок первого, тысяча девятьсот. Этот негр с косичками тоже русский? Пусть будет россиянином. Мы терпимы к цвету кожи, вероисхода... вероисходи...

– Вероисповеданию, – подсказала одна из девушек. – Да хоть кузькиной матери пусть молятся, только забивают!

В глазах у девушки стояли слезы – так остро она желала победы. И вообще девушки-болельщицы были гораздо эмоциональнее мужчин. Со мной, конечно, не сравнить, но тоже не лыком шиты. Или тоже под градусом? В том, что женщины по большому счету равнодушны к командным спортивным играм, есть безусловный и большой плюс. Только представьте сто-тысячный стадион, на трибунах которого одни женщины – визжат, плачут, рвут волосы. Апокалипсис.

Второй гол нам забили на последней минуте матча, российская команда не попадала на чемпионат мира. Три девушки плакали, мужчины заказали водки, выпили не чокаясь, как на поминках. Когда мы толпой выходили, нас задержал бармен, обратился ко мне:

– Девушка, выигрыш получите.

Он положил на стойку купюры. Внушительная пачка мятых тысячных билетов, пятисоток, сверху, как насмешка, – десятирублевые.

Немая сцена. Никто ничего не сказал в осуждение. Минуту назад я бесновалась, болея за нашу команду, но была предательницей – единственной, поставившей на команду противника.

Я сгребла деньги в сумочку. С какой стати от них отказываться?

Развела руки в стороны:

– Бизнес есть бизнес.

Не знаю, откуда выскочила эта фраза. Я поставила на французскую команду случайно, планов заработать на футболе у меня не было и в помине. Наверное, это был протест, месть за пять мучительных дней, глупый порыв. Еще глупей были слова про бизнес.

Витя потом, когда мы ссорились, в бессилии переубедить меня ставил точку: «Бизнес есть бизнес!» Произносил это с насмешливым издевательством. Так говорят: «Ты же самая умная!» или: «Какой смысл спорить с человеком, неспособным слышать чужие аргументы?». Я трясла головой от злости: «Да! Бизнес есть бизнес! В прямом смысле слова!»

Но когда мы вышли из бара, мне было не до смыслов. Мой организм взбунтовался, доза спиртного превысила его физиологические возможности по перевариванию пива. С утробным воем я бросилась за ларек, там росло дерево, я обняла ствол, потому что держаться на ногах не могла. Меня вывернуло наизнанку самым пошлым и отвратительным образом.

– Спокойно, держись за дерево! – уговаривал Витя. – Стоишь? Стой!

Он сбегал к киоску, купил воды. Вымыл мне лицо, по которому текли тушь, слюны и слюны, дал попить. Стало немного легче, мы двинулись вперед, я еще отпила из бутылки. Вода была с газом, пузырьки в желудке устроили революцию, меня снова затошнило...

Никакая черная фантазия не могла бы придумать того, что происходило со мной. Я блевала через каждые десять метров. Я метнулась в кусты, чтобы пописать, свалилась, встала на четвереньки, пытаюсь подняться. Витя подхватил меня, я отбивалась, прогоняла его, джинсы не застегивались, я снова падала, Витя застегивал молнию на моих джинсах, меня опять тошнило и хотелось по-маленькому. Это был не тихий ужас, а конец света.

Витя еще несколько раз покупал в ларьках по пути следования воду в пластиковых бутылках. Умывал меня, лил воду на голову для протрезвления, которое решительно не наступало.

Кое-как доведя меня до вахтерши в общежитии, Витя спросил ее:

– Позвольте, я провожу девушку до комнаты?

– Вызываю милицию! – схватила за телефонную трубку вахтерша.

– Тетя Клава! Не надо милиции! – из последних сил взмолилась я. – Пожалуйста!

И стала подниматься по лестнице. Кажется – на четвереньках.

– Что он с тобой сделал? – завопили подруги, увидев меня.

Лохматая, мокрая, с потеками туши на щеках, в джинсах, застегнутых только на пуговицу, а молния раскрыта. Чужая кофта возмутительно испорчена. Травяные зеленые пятна и черноземные – по всему наряду.

– Он был восхитителен! – только и сумела пробормотать я, рухнув на свою кровать.

Утро было кошмарным. Голова болела так, как ничто в человеке болеть не может. Но еще ужаснее были страдания совести, если ее определить как комплекс из девичьей гордости, испепеляющего стыда, порушенных надежд и сознания собственной ничтожности. Если бы я могла подняться, я покончила бы жизнь самоубийством. Но, чтобы повеситься или отравиться, выпив хлорное средство, которым мы драили общий туалет, требовалось встать с постели. А на это сил не было.

Мой телефон звонил и звонил. Мешал умереть стоически, как древнему греку, – с помощью остатков воли, гасящих сознание.

– Зараза! – достала я телефон и нажала на кнопку ответа.

– Вика? Как ты себя чувствуешь? – не здороваясь, спросил Виктор.

– Да!

– Что «да»?

– Нет.

– Что «нет»?

– Прости меня, пожалуйста!

Я почувствовала, как проклевывается желание плакать. Если женщине хочется плакать, она не наложит на себя руки.

– Это ты меня прости! Накачал девушку пивом.

– Со всеми вытекающими... из всех отверстий вытекающими... Ужас!

– А ты в принципе не алкоголичка?

– Только учусь.

Мое пьяное представление во время решающего матча за выход нашей сборной в чемпионат мира по футболу, непатриотичный выигрыш, последующие упражнения в кустах и под деревьями сыграли удивительную роль. Я перестала бояться Виктора и робеть перед ним, как перед сказочным рыцарем, спустившимся с белого коня. Я показала себя в таком свете, что хуже не придумаешь. Разве что пойти отбирать у школьников деньги на завтрак, а потом валяться под забором в луже из исторгнутых продуктов жизнедеятельности. Чего уж теперь строить из себя кисейную барышню. Воля ваша: принять, не принять, общаться, не общаться, назначать свидания или прекратить отношения. Виктор не отстал, назначал свидания. Я готовилась к ним тщательно, используя все материальные возможности в плане косметики и нарядов. Но я уже не тряслась, как онемевшая от счастливого шанса провинциальная пустышка. Я была просто я.

* * *

Каждый день до свадьбы и первые полгода после замужества я помню фотографически. Почему-то это время напоминает мне школьные прописи – первые тетрадки в школе. Так долго ждешь, что пойдешь в школу, приобщишься к чему-то высшему и загадочному. А потом тебе дают прописи – тетрадь в клеточку, где надо на одной строчке из верхнего правого уголка клеточки в левый нижний линию провести. На следующей строчке наоборот – из левого верхнего в правый нижний угол. Косые линии – твое вхождение во взрослую жизнь.

Потом буквы появляются. «А», «М», «Н», «Р» – строчки за строчками. Еще живет надежда, что все это завершится волшебством: взрывом, открытием – распахнутой дверью в мир, где давно пребывают старшие братья, мальчишки и девчонки с нашего двора.

Прописи заканчиваются предложениями: «Мама мыла раму», «Раму мыла мама», «Мыла мама раму».

Моя мама никогда не мыла раму. Она мыла окна. Два раза в год: перед Пасхой и перед ноябрьскими, в зиму. Весной освобождала окна, точно давала им дышать. Осенью конопатила щели старой рыжей ватой из дедушкиной телогрейки. Сверху, по вате, клеила влажные газетные полоски без текста. Это мне поручалось – обрезать газеты по границе белой линии, протянуть маме полоску. Она ловким движением прокатит бумажную ленту в миске с мучной болтушкой и припечатает поверх ваты. Я в детстве считала, что газеты выпускают ради этой белой полоски. И никак не могла понять: зачем столько бумаги занято черными закорючками? Продавали бы чистые листы!

Шоколадно-букетного периода в нашей любви не было. Ни прогулок под луной, ни сидений на лавочке в объятиях, ни поцелуев в подъезде. Романтика отсутствовала. После моего пьяного представления мы с Витей один раз сходили в кино, один раз поужинали в кафе. На третье свидание он пришел в общежитие. Соседок не было. Положение ясное и недвусмысленное: уединение, кровати, два молодых здоровых человека, которых влечет друг к другу. Витино тело, его запах, сильные нежные руки вызывали у меня медовый трепет – словно кровь заменили на мед, точнее – на хмельную медовуху. Но в финале любовный дурман рассеялся. Мое девство было защищено, как банковский сейф. Внутри меня находилась свинцовая перегородка, не поддававшаяся толчкам Витиного инструмента. Было больно и напоминало манипуляции стоматолога с бормашиной, ввинчивающейся в гигантский зуб. Витя тоже стремительно терял любовный кураж. В какой-то момент он решил отступить, прекратить штурм. Но я воспротивилась, обхватив его спину ногами. Помогала встречными движениями, каждое из которых причиняло мне пронзительную боль. Это должен сделать Витя и только Витя! А боль я перетерплю.

Потом мы лежали, обнявшись. И было волшебно, прекрасно. Я заткнула кровоточащую рану в промежности, скомкав собственные трусики. Болело, щипало, как ножом порезали. Но я выдержала бы десяток подобных травм ради минут истинной близости с Виктором.

И сейчас у меня так: до остановки сердца я счастлива перед соитием и после. Но само соитие – необходимая плата, без которой нет блаженства. За проезд в автобусе надо платить, за минуты счастья – тоже.

Совокупляться можно быстро и везде: в парке под кустами, на чердаках, в сараях. Но чтобы испытать подлинное счастье, нельзя торопиться. Поэтому я очень хотела замуж. Кто осудит за желание счастья?

Виктор привел меня к себе домой. Максим Максимович был при галстукке и в неглаженной сорочке, будто жеваной. Максим Максимович церемонно поцеловал мне руку и пригласил попить чаю.

Я задыхалась в их квартире. Наверное, даже определенно, Витя с отцом навели мало-мальский порядок. Вымыли посуду, смахнули пыль. Но пыль в их доме была застарелой – сантиметровой, на всей мебели, на всех поверхностях. Пахло склепом. Запах особенно усиливался в комнате, где лежала Анна Дмитриевна, – несло гниением. Анна Дмитриевна жила от укола до укола, их дважды в день делала медсестра. Бедную женщину, скрюченную, как трупик воровушка, перед уколами терзали страшные боли, она не стонала, а тихо верещала. Медсестра Оля, на которую молились Витя и его отец, делала укол, выгребала из-под Анны Дмитриевны запачканные простыни, обтирала больную, перестилала постель. Оле платили немалые деньги за работу, которую она была обязана выполнять бесплатно – за ставку. Мне хватило одного взгляда на эту дамочку, чтобы понять, как наживаетеся она на несчастье двух горюющих мужчин. И Оля усекла с ходу – со мной не пройдут игры в благотворительность.

Тело лежачего больного натирают камфорным спиртом, дубят кожу, чтобы не было пролежней. Моя бабушка полтора года не вставала с постели – и ни одного пролежня. Мама ухаживала за свекровью истово – как за малым ребенком-инвалидом. А спина, локти Анны Дмитриевны были покрыты мокнувшими язвами. Так содержат больную?

Витя и Максим Максимович решительно воспротивились моей попытке изменить ситуацию. Оля! Только Оля! Как Оля скажет. Черт с ней!

Но без всяких приглашений я в течение недели, каждый день на несколько часов, приходила к ним домой и драила, драила квартиру. У меня сломались все ногти и воспалилась кожа на пальцах, потому что отчистить эту конюшню можно было только с помощью сильных химических средств. Зубными щетками я выковыривала жирную грязь из стыков и вокруг вентиля газовой плиты. Ползала на карачках, из-под плинтусов выгребая археологическую спрессованную пыль. На оконных стеклах, на мебели можно было рисовать, как на глине. Чтобы отчистить их до первозданного состояния, требовался скребок. Я скребла, скребла и скребла. Потом мыла, мыла и мыла. Обои в кухне не подлежали восстановлению, я их содрала, купила клеящуюся пленку в веселый ситчик и обновила стены. В ванной и в туалете был полный швах – облупившийся кафель с черными разводами грибка. Моя бабушка говорила грубо, но точно: «Жрать и срать надо в чистоте». Я вызвала братьев. Петя и Коля отбили старый кафель, выровняли и загрунтовали стены, оклеили влагостойкой пленкой под мрамор. Ванную и туалет было не узнать. Братья работали без перекуров и перекусов, я их торопила, подгоняла.

– Гнездо вьешь? – ухмыльнулся Петя.

– Только свинство ликвидирую. А гнездо мое будет не в пример этой убогости.

– Когда с женихом познакомишь? – спросил Коля.

«Когда он предложение сделает», – про себя подумала я. Вслух ответила:

– Познакомлю обязательно.

Я дала братьям деньги, чтобы поели в кафе на автовокзале, домой они попадали только поздно ночью. Расходовала я выигранное на тотализаторе. На себя не потратила ни копейки. Купила новые сковородки и кастрюли, потому что за старые было противно взяться, плюс моющие средства в промышленных количествах, плюс краски и пленки для минимального косметического ремонта.

Во время моих набегов Максим Максимович либо тихо сидел в комнате с книгой, либо уходил на прогулку. Витя был на работе. Возвращался вечером и не замечал, что в квартире что-то изменилось: хрустальная люстра, на мытье которой у меня ушло пять часов, празднично сверкает, оконные стекла не мутные, а прозрачные, занавески свежестиранные, а на ковровых дорожках появился узор, прежде затоптанный.

Но не увидеть перемен в ванной, в туалете и на кухне было невозможно.

– Субботник завершен, – весело сказала я, когда мы пили чай на кухне. – Теперь ваша квартира как игрушечка.

– Огромное спасибо, Вика! – быстро заговорил Максим Максимович. – Мы вам очень признательны! Столько трудов!

Максим Максимович каждый день уговаривал меня остановиться, прекратить: пусть будет как было, мы с Витей сами, потом как-нибудь, неловко – превратили вас в поденщицу. Я отмахивалась и делала свое дело.

– Хотя не знаю, – продолжил Максим Максимович, – стоило ли... – замялся он.

– В нашем доме теперь блеск и чистота, – подхватил Витя. – Но в нашем доме перестало пахнуть нашим домом.

Такая вот была благодарность.

Прошло много времени, и как-то я напонила мужу про ту многодневную генеральную уборку.

– Это тебе самой требовалось, – неожиданно заявил Виктор.

Я вспыхнула от обиды и стала оправдываться. Мол, не набивала себе цену, не обуштраивала гнездышко, в которое меня пригласят.

– Было элементарно, по-человечески, жаль вас – запущенных до паутины по углам.

– Вика, ты неправильно меня поняла. Я вовсе не собирався обвинить тебя в далеко идущих матримониальных планах. Эти-то планы как раз нормальны. Но мы ни о чем тебя не просили. Мы не хотели ничего менять в доме, пока жива мама. Нам было плевать на грязные окна и паутину на потолке. По сравнению с тем, что мы теряли, это было ерундой. А ты не могла находиться в той обстановке, ты говорила, что задыхаешься. Ты для себя вылизала квартиру, хотя думала, что совершаешь подвиг для нас. Типичное женское поведение: сначала она гробится, изменяя то, что ее не устраивает, а потом ждет от окружающих похвалы. Между тем как ее подвиг – это обеспечение собственного комфорта. Подвиг совершается для себя, а не для других. Если ты хочешь что-то сделать для других, сначала пойми, что этим другим требуется.

– Твоя мама была не такой? – У меня невольно прорвалась глубоко спрятанная неприязнь.

– Да! – твердо ответил Виктор. – Моя мама была не такой. Она не облакала свои желания в якобы потребности других. Она по-настоящему жила для других.

Признаваться стыдно, однако слова из песни не выкинешь. Покойная Анна Дмитриевна превратилась для меня в первоисточник всех Витиных недостатков. Это она воспитала его прекраснотушным мямликом, тратящим недюжинные силы на пустяки. Это она внушила ему замшелые принципы, которым сегодня грош цена. Это она подавила в нем волю к победе, подменив представление об истинной победе призрачным благородством. Институты для благородных девиц давно ушли в прошлое, однако курсистки-мечтательницы остались, на горе женам, которые выйдут замуж за их сыновей.

Анна Дмитриевна наверняка была умной женщиной. Если бы она прожила дольше, я отыскала бы с ней общий язык. Два умных человека всегда могут договориться, найти точку согласия. Тем более что эта точка – обеими любимый мужчина. Но Анна Дмитриевна умерла. Окаменела и забронзовела в памяти Максима Максимовича и Виктора, превратилась в легенду. Светлая память об Анне Дмитриевне обросла воспоминаниями, в которых было не отличить правды от невольных домыслов. Я могла бы вступить в диалог с живой свекровью, я отлично знала ошибки моей мамы. Но сражаться с бронзовым истуканом бесполезно.

Тогда, во время моего субботника, Анна Дмитриевна единственный раз обратилась ко мне. Или не ко мне?

Я мыла ту самую фамильную люстру в комнате, где лежала Анна Дмитриевна. На столе стояли три миски – с концентрированным хлорным раствором, с мыльной и с чистой водой. Пальцы немилосердно жгло, потому что я экономила на резиновых перчатках. Каждый кристаллик в подвесках требовалось драить, удаляя жирную грязь.

Пришла медсестра Оля. Заворковала с Анной Дмитриевной: «Сейчас мы укольчик сделаем, постельку перестелим. Поворачиваемся на бочок. Вот хорошо! Вот умница!» С тяжелыми больными разговаривают как с неразумными детьми. Это понятно, это правильно.

Но потом Оля, которой было сорок лет в обед, хмыкнула мне в лицо:

– Все пыхтишь, стахановка? Не на ту карту ставишь.

– Я в ваших рекомендациях не нуждаюсь! Лучше свою работу выполняли бы честно! Халтурщица!

– Да кто ты такая, чтобы мне указывать?

Словом, мы схлестнулись. Обменялись недипломатическими выражениями.

И вдруг сиплый стон. Разворачиваемся. Анна Дмитриевна смотрит осознанно, старается голову оторвать от подушки. Анна Дмитриевна на моей памяти ни разу не произносила сколько-нибудь внятных речей. Она пребывала в своем мире – в мире боли и забвения.

– Отвратительно! – прохрипела Анна Дмитриевна. – Господи! Как отвратительно!

Мы заткнулись. Оля понесла постельное белье в ванную, чтобы запустить стиральную машину. Потом белье вытащит Максим Максимович и развесит на балконе.

Я подскочила к Анне Дмитриевне. Меня разрывало на кусочки от желания помочь ей, облегчить страдания, выполнить любое желание.

– Говорите, говорите! – умоляла я.

Анна Дмитриевна посмотрела на меня уплывающим взглядом и повторила шепотом, закрывая глаза:

– Отвратительно.

Что она имела в виду? Свою болезнь и беспомощность? Олину халтурную работу? Мое присутствие в доме?

Ответа я никогда не узнаю.

* * *

– Махнем ко мне домой в субботу? – предложила я Вите.

– Махнем, – согласился он.

Позвонив маме, я предупредила, что приеду с Виктором. Мама еще несколько месяцев назад поняла, что у меня любовь. Выспрашивала, но я ограничилась скудной фактической информацией. Зовут Виктором, работает на заводе металлоконструкций, живет с отцом и матерью, которая сильно болеет.

– У тебя с ним серьезно? – спросила мама.

«У меня серьезно, – подумала я, – а как у него – не знаю».

– Посмотрим, – ответила я.

Но маму не проведешь. Серьезное от несерьезного она отличала легко. И расстаралась, принимая Виктора. Стол накрыла – как на большой праздник. Салаты пяти видов, рыба маринованная и заливная, студень, на горячее голубцы и свинина запеченная. Уж не говоря о молодой картошке, зелени и домашних консервах.

Пришли братья с женами, с тещами и детьми, моя тетка с мужем, две мои школьные подруги – за стол уселось, считая детей, двадцать человек. Папа надел галстук. Он терпеть не может галстуки, но мама заставила.

Познакомившись со всеми и явно тут же забыв имена, Виктор немного растерялся, спросил меня на ухо:

– У кого-то день рождения?

Я не успела ответить, потому что два племянника-короеда и племянница-шустрик повисли на моей шее. Они меня любят и ревнуют друг к другу. Я их обожаю. Виктора мужчины

увели на лестничную площадку курить, женщины заканчивали сервировать стол, я дурачилась в родительской спальне с племяншами, устроив бой подушками.

У нас большая семья, пожалуй, несколько шумная, отчасти бестолковая, но очень сплоченная, каждый за родню – горой. Виктор не мог этого не заметить и не понять, когда мы долго сидели за столом, наевшись до отвала, пели песни и вспоминали смешные истории из моего детства после рассказов невесток о проделках племянников. По-моему, такая семья, связанная кровным родством и взаимной поддержкой, – это огромная ценность. Ради чего человек живет, как не ради того, чтобы видеть свой род – основателей и наследников?

Я думала, что мы переночуем у мамы, но Виктору нужно было домой – обещал отцу подежурить ночью у Анны Дмитриевны. Мама загрузила нас сумками и пакетами, в которых были тарелки-миски с оставшейся вкуснейшей едой.

На обратном пути в автобусе Витя спал, уронив голову мне на плечо. За два часа пути мое тело задеревенело. Я обнимала Витю за плечи, чтобы не очень трясло на плохой дороге, старалась не шевелиться, оберегая его покой, ведь ночь Виктору предстоит, возможно, бессонная. Когда мы приехали на автовокзал, я не могла двинуть ни рукой, ни ногой – с каждым движением в них вонзались миллионы иголок. Виктор буквально на руках вынес меня из автобуса. И только на полпути к общежитию я перестала ковылять и шататься.

Виктор сгрудил сумки на ступеньках общежития:

- Донесешь? Вахтерша не пропустит меня.
- Но мама для тебя и Максима Максимовича передала.
- Извини, нам не надо. Завтра позвоню. Пока!

Старенький общественный холодильник не мог вместить всех салатов и домашней буужины с молодой картошкой, а до утра это все испортилось бы. Пришлось кормить весь этаж. Нашлось вино, мы прекрасно посидели. Но самым прекрасным были мои воспоминания о недавних событиях: Виктор увидел моих родных, понял, чего катастрофически не хватает в его существовании. В их с Максимом Максимовичем, с гниющей Анной Дмитриевной жизни не хватало жизни. Я могла ее Вите дать. Наивная.

Он всегда очень ровно и доброжелательно относился к моей родне. Выделял моего папу. Хотя папа у нас, откровенно говоря, без полета. Про маму говорил: «Не коня на скаку, а табун коней остановит». Я думала, что это большое признание маминного иступленного, безостановочного труда на благо семьи. Теперь думаю: не издевка ли?

Витя никогда не стремился увидеться с моими родственниками. Он без них не скучал, в отличие от меня. Брат Петя попросил моего мужа достать листовое железо, чтобы своими и братниными, Колькиными, руками сварить гараж типа ракушки. Витя сказал, что заводскими материалами не торгует. Хотя это железо гнило у него на заводе. Колин тесть обратился к моему мужу: «Достань сетку-рабицу для ограды на даче». Витя отказал. Потом мне выговаривал: «Доставали по благу в советское время, а сейчас все можно купить. На честно заработанные деньги». Идеалист! Сам советский до мозга костей!

С другой стороны, когда мой племянник тяжело заболел, когда бросились к нам в последней надежде, Витя с помощью все той же медсестры Оли узнал, кто из педиатров в городе лучший, сам встретился с врачом. Мальчишку положили в областную больницу. Витя связался со столичным светилом по желудочным заболеваниям детей и сконтактировал местного доктора и московского. Через неделю малыш прыгал на больничной кровати, как обезьянка в зоопарке. Однако оставались серьезные требования по диете. Витя не верил, что моя мама, брат и невестка выдержат диету: «Им же все время хочется угостить ребенка соленым огурцом или копченой колбасой. Вкусненьким, с их точки зрения». Витя ошибался, не представлял, как истово станут выхаживать мальчонку бабушки и мама.

Дача Колиного тестя – маленький домишко, пять на шесть метров по фундаменту. Строили сами, без привлечения платных рабочих. Но, чтобы вывести стропила, требуется много

рук. Кликнули родню. Витя тоже поехал, работал на совесть. После трудового дня мужикам натопили баню, накрыли стол с закусками, оставив все необходимое для шашлыков. У нас в семье почему-то шашлыки считают блюдом исключительно мужского приготовления. Витя уехал до бани и шашлыков, сказал, что ему рано утром надо быть на заводе.

* * *

Витя не служил в армии, потому что его родители были инвалидами. Максим Максимович перенес два инфаркта, потом у Анны Дмитриевны обнаружили рак. После института Витя пришел на завод и за пять лет сделал блестящую карьеру – от рядового инженера до заместителя генерального директора. Но завод был далеко не передовым, не самым крупным в области, кое-как сводил концы с концами. Десять лет назад завод за копейки приобрел московский олигарх. Купил по ходу захвата более ценной промышленной собственности, до кучи. Так на рынке, приобретая хорошее мясо, попутно покупают стакан семечек. Заводом, не приносящим прибыли, олигарх не интересовался, бросив коллектив выживать как могут. Они именно выживали. С пролетарской стойкостью и гордостью. Зарплаты мизерные, зато предприятие без долгов. Оборудование допотопное, квалифицированные молодые рабочие давно ушли на другие комбинаты, зато оставшиеся ветераны производства – как одна семья, патриоты завода металлоконструкций. А куда им было деваться? Семья в триста человек, для которой Виктор стал главной надеждой и спасением от полнейшего краха. Витя действительно много сделал. Например, добился заказов на вышки для сотовой связи. Но Витины возможности были ограничены. Когда станки старые, о переоснащении только мечтать приходится, когда то перекрытие обваливается, то рухнет опора высоковольтной линии, то водопровод прорвет, то материал вовремя не подвезут (заказ в срок не выполнить) – какие уж тут инвестиции.

На заводе был директор. Герой без кавычек, но герой не нашего, а прошлого времени. Владимир Петрович Федин, шестьдесят три года, застарелая язва желудка и абсолютная преданность заводу. Он мыслил старыми категориями. Потому что латать дыры – глупо и несовременно. Уже давно работают по-другому. Дешевле и практичнее снести, сровнять с землей старое предприятие и построить на этом месте новое, современное. Но у них ведь коллектив! Семья! Бухгалтер-умница Екатерина Ивановна, начальники цехов Кондратьев и Симочкин, завснабжением Канарейкин... и далее по списку. Куда их? На улицу? Ни за что! Директору Федину удалось сделать из моего мужа своего преемника – такого же патриота завода, читай – коллектива, каким был сам. Снимаю шляпу перед Владимиром Петровичем Фединым и одновременно презираю его. Потому что в свое время мог не чужому дяде завод подарить, а приватизировать в личное владение. Делов-то! Почитай книжки, разберись с акционированием, с банкротством и назначением кризисных управляющих. Владимир Петрович завод проворонил, а через несколько лет судьба его отблагодарила – в лице моего мужа нашел простофилю, который флаг подхватил.

Поначалу, не разбираясь в ситуации, я только глупо, по-женски, гордилась: мой муж – замгендиректора старейшего завода. Потом сама начала работать, и профессиональный кругозор мой ширился с каждым днем. Напоминало конструктор «лего», подаренный племянникам: кубик за кубиком – и растет небоскреб. В моем мозгу происходило схожее: больше кубиков – больше знаний, открытий, пусть другим менеджерам давно известных, больше вопросов и самостоятельно найденных ответов. Чем больше я узнавала, тем меньше оставалось поводов гордиться профессиональным статусом мужа. Он ведь зарабатывал копейки!

Первые ссоры на этой почве и не были ссорами вовсе.

– Витя, – спрашивала я, – чего ты гробишься? Владимир Петрович – замечательный директор. Красный директор, их время давно прошло. Ты – другое поколение.

– Меняются времена, но не меняются человеческие ценности, – уходил от разговора муж. Лукаво подмигивал мне: – А также супружеские утехи!

К этому я была готова всегда, только свистни. За то, чтобы видеть мужа до акта любви и после, я отдала бы свою кровь по капле.

– Объясни мне, не понимаю! – просила я мужа. – Ты же умный, ты же передовой, почему ты киснешь в этой богадельне?

– Там люди. Я тоже людь.

– Нет, ты не просто людь!

– Верно! Я очень большой людь, и от меня зависит жизнь многих людей.

– Они хорошо устроились. И авралы, которые у вас каждую неделю, – приятное щекотание нервов. Все такие патриоты, все на штурм, все плавают от гордости. Но ведь это утехи лузеров! А ты не лузер! Ты умница, у тебя потенциал громадный!

– Сейчас я тебе продемонстрирую свой потенциал!

Постепенно мои атаки, мои попытки вытащить Виктора с занюханного завода металлоконструкций становились все чаще и напористее. Уловки с переводом разговора в плоскость любовных утех уже не проходили. Мне стал противен этот способ затыкания рта. Что я, безмозглая дырка от бублика?

Ссоры вспыхивали ежедневно. Я билась о стену Витиного сопротивления исступленно. Я билась за его благо, которое есть благо нашей семьи, наших будущих детей.

Витя хотел ребенка. Но разве я не хотела? Очень хотела! И много-много детей! Хоть полдюжины. Но наши дети не должны расти в убогости.

– Это ты называешь убожеством? – разводил руками Виктор на кухне, где мы злым шепотом, чтобы Максим Максимович не слышал, ссорились. – Принцесса из Кировска! Извините, ваше высочество, но если женщина хочет ребенка, она его рождает. Вне зависимости от обстоятельств.

– Но ведь мы можем дать своим детям большее!

– Тише! Что большее?

– Мы молоды, мы умны и сильны! Сейчас самое время!

– Для чего?

– Заработаем, построим большой дом в пригороде, с бассейном и танцзалом. Наши дети там будут расти.

Виктор уставился на меня так, словно впервые увидел.

– С бассейном и танцзалом? – переспросил он.

– Это моя мечта, очень давняя. Дом моей мечты...

– Скажи, о чем мечтаешь, – перебил муж, – и я скажу, кто ты.

– Да выслушай же меня! Пойми! Ты меня не слышишь!

– Все, что нужно, я усвоил. Спокойной ночи! Мне завтра рано вставать.

Мы засыпали по краям тахты – не соприкасаясь, обиженные друг на друга. Но какая-то сила под утро подкатывала меня к мужу, мы сливались в лучшем из лучших примирений, и грядущий день обещал надежду на то, что Виктор поймет, как чудовищно неправильно тратит он свои силы. Мне только нужно внятнее объяснить ему, достучаться до него. Он просто не понимает некоторых простых вещей, как не понимает, почему нужно мыть окна два раза в год.

Вечером все повторялось снова: мой напор – его злая оборона.

Когда я узнала, что на завод приезжал владелец, со мной случилась истерика. Виктор сам за ужином мне рассказывал. Как владелец морщил нос, как сказал: «Пока в „ноль“ выходите, трепыхайтесь, что с заводом делать, я еще не решил». А потом, быстро разобравшись, чьими стараниями «ноль» выходит, предложил Виктору должность. Перспективную, денежную, на другом предприятии. В Москве!

– И ты? – замерла я в счастливом предвкушении.

– Отказался, естественно, – гордо улыбаясь, закончил свой рассказ муж.

У меня померкло перед глазами. Это было предательство, чистой воды предательство – меня, наших детей, нашего будущего.

Кажется, я так и обозвала мужа – кретином и предателем. У него в руках был шанс, и он этот шанс мало того, что упустил, так еще и гордится! Идиот! Князь Мышкин двадцать первого века! Хлопнув кухонной дверью изо всей силы – посыпалась штукатурка – пусть Максим Максимович проснется, достала меня эта семейка, – я ушла спать.

Той ночью мы не примирились, как прежде. И в дальнейшем испытанный способ все реже и реже приходил на помощь. Свою вину в этом я не отрицаю. Как-то утром, когда мы оба пребывали в добром настроении и не помнили о вчерашней ссоре, Виктор сказал:

– По мудрому замечанию Льва Николаевича Толстого, все вопросы между супругами решаются только ночью. – И добавил: – Кстати, у Толстого было восемь детей.

Я тут же огрызнулась:

– Он был графом. А где твоя Ясная Поляна, Витенька?

И хорошего настроения как не бывало. Мы отправились на работу раздраженные и недовольные друг другом.

* * *

Уровень преподавания в нашем университете оставлял желать лучшего. Когда-то это был типичный областной пединститут. В годы образовательной перестройки, когда институты стали превращаться в университеты и академии, наш вуз не остался в стороне от перемен. Открыли факультеты экономики, юридический и журналистики. Преподавательских кадров, конечно, не хватало. В экономистов переквалифицировались бывшие математики, филологи и физики. Они вызубрили учебники и читали нам до скукоты зевотной нудные лекции. С таким же успехом мы могли сами прочесть учебники, в которых содержалась голая наука, далекая от настоящей живой экономики. Но было одно исключение. Федор Михайлович Казаков. Он читал спецкурс и вел семинары по микроэкономике. На его занятиях я впервые пережила подлинное вдохновение, как на гениальном спектакле, когда уже не отделяешь себя от героев на сцене и дышишь с ними в унисон. А я уж хотела бросить университет – на кой ляд мне эта тягомотина, когда преподаватель-дядя учит студентов выстукивать никому не нужные трели. Федор Михайлович рассказывал об экономике предприятий как об увлекательнейшем и авантюрном деле, в котором были интриги, взлеты, падения, крахи банкротств и сумасшедшие прибыли. Казаков задавал на дом задачи, и я пыталась над ними отчаянно, потому что решение, лежащее на поверхности, наверняка было неправильным, имелось другое – изящное и красивое. Иногда решение мне подсказывал Виктор. Звал вечером меня спать, но я просила еще минуточку, списывала листок за листком на кухонном столе, нервничала, – я не люблю оставаться в проигрыше, с нерешенной задачей. Муж подсаживался: что там у тебя? И через несколько минут на свет появлялось простое до удивления (как сама не догадалась?) и абсолютно верное решение.

Виктор мог бы стать прекрасным управленцем. Он умел организовывать людей и обладал логическим умом. Но у Виктора не было ни грана честолюбия. Мощный двигатель без колес.

Казаков читал спецкурс во втором семестре у третьекурсников и в первом семестре у пятикурсников. В начале четвертого курса я подошла к Федору Михайловичу и попросила разрешения посещать его спецкурс у выпускников. Он позволил.

Федору Михайловичу было под сорок лет. Внешности невзрачной, он преображался, когда вел занятия, становился почти красавцем. Казаков был почасовиком, то есть внештатным лектором. Идти на мизерную университетскую зарплату не хотел, хотя преподавание было его призванием и любимым делом. Он работал в аудиторской фирме, писал диссертацию и

пристраивал толковых, приглянувшихся ему студентов на предприятия и фирмы. Я полтора месяца отходила на его лекции у пятикурсников, и Казаков сделал мне предложение:

– Не хотите поработать стажером в финансовом отделе... – он назвал самое крупное, жутко богатое предприятие нашей области. – Я могу вас рекомендовать. Испытательный срок два месяца и зарплата, увы, пять тысяч рублей. После испытательного срока – десять тысяч. Что скажете, Виктория?

Я ничего не могла сказать. Хлопала глазами и не верила своим ушам.

– Виктория?

– Буду стараться, – просипела я.

У мужа была зарплата пятнадцать тысяч. А у меня – стажерки – десять! Обалдеть!

Кроме зарплаты Виктора, в наш семейный бюджет входила еще пенсия Максима Максимовича. Однако ему требовались дорогие лекарства, на которые улетала не только эта пенсия, но и ощутимая часть Витиной зарплаты. Какие-то лекарства можно было получать бесплатно. Для этого приходилось дежурить в аптеке, выстаивать в очередях, мотать нервы. Виктор сказал отцу, что бесплатный сыр отменяется, мы будем покупать необходимые препараты за их реальную стоимость. Это было, конечно, правильно и очень благородно. Но мои родители ночевали бы в очередях, не позволив детям тратить на то, что могут добыть сами.

Я на крыльях прилетела домой. Бросилась на шею мужу, рассказала про работу, про грядущую зарплату.

– Разве тебе не хватает? – спросил Виктор холодно.

Мне не хватало. Мне не хватало катастрофически. Не на шпильки-булавки, не на тряпки – я вполне могла обходиться минимумом нарядов и салоны красоты не посещала. Мне не хватало на ту жизнь, о которой мечтала.

Виктор продолжал спрашивать:

– Если ты можешь учиться и работать, то почему ты не можешь учиться и рожать?

Так могла бы рассуждать деревенская старуха, чей кругозор не простирается дальше околицы, но не молодой современный мужчина. Даже моя мама не торопила нас с внуками.

– Ребенок никуда не денется, ведь мне не сорок лет, – ответила я. – Не хочу рожать только потому, что могу рожать, не хочу нищету плодить.

У Виктора заходили желваки на скулах.

В семейной жизни одно из самых тяжелых испытаний – это когда нет общей радости. Я ликую, а он кривится. Он требует, а мне его требования кажутся абсурдными. И ведь я не воспринимаю себя отдельно от мужа. Мы – один организм. Правая рука не может не понимать левой. Бред какой-то! Конфликт правой и левой рук.

Я разревелась и в очередной раз сказала, что он не понимает меня. И это непонимание – как нанесение глубокой раны.

– Кто кого больше ранит, еще вопрос, – возразил Виктор.

Отдел, в который я пришла работать, назывался туманно – финансовый. В нем числились два сотрудника: Эдуард Филиппович и Нонна Эдуардовна. Начальник, Эдуард Филиппович, произвел на меня впечатление скользкого типа. Не могу сформулировать конкретно, что в этом подчеркнуто элегантном пятидесятилетнем мужчине было скользким. Да весь он! Его слова, жесты, мимика, манера обращения – «голубчик» – невзирая на пол человека. Искусственный и скользкий, как леденец, сваренный в химических красителях. Нонна Эдуардовна, красиво statureющая дама, восприняла меня в штыки. Прищур, колющий взгляд, поджатые, искривившиеся в усмешке губы. За что, спрашивается? Потом я поняла, что у начальника с Нонной были шуры-муры – в прошлом. Ныне их высокие отношения представляли собой игру в благородных господ: он, бывший любовник, выказывает ей подчеркнутое уважение. При этом истово заботится о семье, где растут два сына-подростка, и ходит налево. Она, Нонна, свято оберегает

спокойствие его семьи, но время от времени дергает за веревочки, на которых висит старый возлюбленный. Не забывай про привязь!

Во всем этом киносериальном уродстве я разобралась не сразу. Но неожиданно совершила ход, который превратил Нонну Эдуардовну из моей недоброжелательницы в относительно спокойную презирательницу – что, мол, эта девчонка – тьфу!

Нонна Эдуардовна слегка потеплела, когда узнала, что я замужем, всего полгода замужем. А потом я спросила, воспользовавшись тем, что начальник вышел из кабинета:

– Эдуард Филиппович ваш отец?

Она зашлась в хохоте, промокала нижние веки, потому что из глаз полились веселые слезы. Я не понимала, что тут смешного. Я спросила, поскольку его имя и ее отчество совпадают. И только.

Нонна Эдуардовна в профессиональном плане была на пять голов выше Эдуарда Филипповича. У Нонны вместо мозга был компьютер, у Эдуарда Филипповича – дырявое сито. Она делала всю работу, он расписывался на последней странице документов. Отдел занимался тем, что уводил доходы предприятия от налогов. Некоторые схемы были просты, как яйцо, другие, связанные с оффшорными зонами, я уяснить не могла. Оптимизацию налоговых выплат придумал какой-то гениальный финансист, перед которым я преклоняюсь. Не Эдуард Филиппович, естественно, и не Нонна Эдуардовна – она только четко выполняла правила, весьма сложные, предполагавшие умение разбросать прибыль по многим статьям – в зависимости (не поверите!) от внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановки. Некоторые платежи были стандартными, повторяющимися из месяца в месяц, распоряжения о других спускало высокое начальство. Эдуард Филиппович озвучивал приказы, Нонна выполняла.

Меня взяли на рутинную работу – заполнять банковские документы, сводить данные в таблицы для регулярных отчетов. По сути, я была секретарем при Нонне, которая контролировала каждую подготовленную мною бумагу и жестко отчитывала за малейшую опечатку. То была хорошая школа, потому что, стараясь изо всех сил, я научилась впоследствии быстро находить ошибки в документах. А от этого во многом зависит эффективность нашей работы, ведь мы имеем дело с бумагами, а не с рабочими и станками. Оба руководителя ничему меня не учили, ничего не объясняли. До всего доходила своим умом, слушая их разговоры, просматривая документы прошлых лет. Когда вначале попробовала задавать вопросы, Нонна отрезала: «Не вашего ума дело!» Эдуард Филиппович сладко улыбнулся: «Это не ваш уровень, голубчик!» Ладно! Значит, придется тихой старательной мышкой выстукивать на клавиатуре компьютера и мотать на ус, учиться подпольно. Испытательный срок мне сократили – уже через месяц приняли в штат. Где бы еще Нонна нашла такую преданную труженицу? Приятной неожиданностью стали премии – раз в квартал в размере оклада. Я купила себе и мужу одежду, обувь к зиме, подарила маме на юбилей – пятидесятилетие – золотой кулончик. Мама была счастлива.

Звездный час для многих знаменитых актрис наступал одинаково. Прима заболела – на сцену выпустили прежде неприметную, но знающую все тексты или партии наизусть девушку. Фурор, успех, да здравствует новый талант!

Так бывает не только на сцене. Но и сцена бывает не только в театре.

Свирепствовал грипп, половину офиса скосил, в том числе моих начальников. На очень-очень важное совещание пришлось идти мне, потому что от отдела должен кто-то присутствовать.

Эдуард Филиппович сильным голосом инструктировал меня по телефону:

– Сидите тихо, не вздумайте вопросов задавать или мнение высказывать! Просто отсидите, ясно?

Он даже забыл прибавить свое коронное «голубчик».

Нонна Эдуардовна, опять-таки по телефону, еле шептала:

– Наша часть отчета в полном порядке, я успела проверить. Пожалуйста, постарайтесь... – Тут она закашлялась и отключилась.

Чего постараться, я не поняла. Но железная Нонна впервые сказала мне «пожалуйста».

Так я оказалась в святая святых – в кабинете владельца холдинга. Меня потряхивало от волнения, ком стоял в горле, дрожали руки, на лбу выступала испарина. Хотя предстоял выход на сцену в качестве статистки, без слов. Кабинет был огромным, оформленным с вычурной дизайнерской фантазией – абстрактные картины на стенах, люстры, напоминающие моток проволоки. Но у меня в голове стучало спасительное слово «мавзолей».

Мама мне рассказывала, как бабушка с дедушкой обещали повезти ее, десятилетнюю, в Москву, показать мавзолей с Лениным. Полгода мама ждала, готовилась, вела себя отлично: чуть забалует – в Москву не повезем, Ленина в мавзолее не увидишь. И вот, наконец, свершилось, приехали в столицу. Очередь с раннего утра отстояли громадную. Что, кстати, подтверждало сакральность места поклонения. Но когда вошли в мавзолей, мама только и увидела дядьку в военной форме, который торопил всех – проходите, проходите! И другого, который держал палец у рта – тише, тише! А потом мама отключилась от избытка чувств. Из мавзолея ее вынесли на руках. Много лет спустя мама говорила мне: «Вот ведь глупость! Лежит мумия под стеклом, а мы в обморок падаем. Какого лешего? Не похоронили человека по-христиански, чтоб мы с ума сходили? Вика! Не верь мавзолеям!»

Вот я и твердила себе: «Это мавзолей, только мавзолей». Сидящие за громадным столом люди были, конечно, вполне живыми, внешности обыкновенной, даже заурядной. У одного лысина под жидкими волосенками спрятана, у другого уши как локаторы, у третьей, толстухи, голова с шеей сливается. А у самого главы главного – бородавка на носу. Люди как люди.

Мавзолей мне помог. И понимание того, что это просто люди, а не боги, – тоже. Включились слух и соображение, которые всегда отстают от визуального восприятия. Они говорили на русском языке, но суть их быстрых речей от меня ускользала. Они шутили, но я не понимала их юмора. Это были профессионалы высшего класса, а я – подготовишка, стажерка. Все равно что привести способного к математике восьмиклассника на диспут по квантовой физике.

Мне стало досадно, обидно, меня разбирала злость на саму себя. Передо мной, то есть перед креслом Эдуарда Филипповича, лежал толстенный сводный отчет. Я стала его листать...

Мой возглас прозвучал сценически точно, во время случайной паузы, когда слово предоставили очередному докладчику, а он замешкался. Хотя я не выбирала момент, а просто не удержалась и выпалила:

– Это же бред!

– Что? – впервые обратил на меня внимание главный-главный.

Я подняла голову, на секунду встретилась с ним глазами, опустила голову:

– Страница восьмая, пункт десять, видите цифру? Теперь итоговая сводка. Страница двадцать пять, пункт три. Числа не совпадают, хотя должны. Далее, страница девятая, пункт три «а» и страница двадцать семь...

– Медленнее, девушка! – попросил кто-то.

Все зарылись в бумаги. У них переменились лица. Только что это были успешные благодушные менеджеры, а теперь стали – колючие, сосредоточенные, напряженные клерки. Свой отчет я помнила наизусть, у меня хорошая память на цифры. Поэтому и увидела несоответствия. Я хотела сказать, что арифметической ошибки тут нет, ведь компьютер не ошибается, но меня заткнули:

– Помолчите!

Они еще несколько минут листали отчет, наверняка видя то, что мне было не дано видеть, – знаний и информации не хватало. А потом главный-главный объявил, что совещание окончено, попросил остаться только своих заместителей.

В свой кабинет я возвращалась на дрожащих полусогнутых ногах. Я еще не знала, что выступила с блестящим дебютом, я боялась, что меня погонят с фирмы поганой метлой и моя карьера, толком не начавшись, пойдет под откос. Схватила сумочку, оделась и помчалась домой. Если мне суждено детей рожать, а не финансовыми потоками рулить, значит, так тому и быть.

Ночью мне стало плохо, померила температуру – под сорок. Догнал-таки грипп и меня. Болела я тяжело. Виктор и Максим Максимович ухаживали за мной, но масками, которые я просила надеть, чтобы не заразились, пренебрегли. Кажется, я слышала, что звонили Эдуард Филиппович и Нонна Эдуардовна, муж культурно посылал их подальше. В моем температурном бреде бушевали цифры – они сыпались с неба и вырастали из-под земли, окружали со всех сторон – как полчища фантастических диких солдат.

На пятый день мне стало полегче, но свалились Виктор и Максим Максимович. Особенно страшен был грипп для свекра с его больным сердцем. Муж твердил: «Позвони Оле! Позвони Оле!» Я отказывалась. Хотя меня от слабости мотало, я не хотела обращаться за помощью к медсестре, которая ухаживала за покойной Анной Дмитриевной.

Виктор позвонил сам. Не спрашивал, есть ли у нее возможность помочь, сказал в трубку коротко:

– Выручай. У нас полный лазарет.

Она приехала, взяла лечение в свои руки. Профессиональный медик, конечно, не сравнится с полуживой девушкой, которая ничего не смыслит в лекарствах, выписанных врачом. Лекарства в аптеках смели, и я, качаясь от слабости, переползала от одной аптеки к другой. Ольга достала нужные препараты и наладила лечение. Прежняя наша неприязнь почти растаяла. Ольгу захлестнула жалость. «Краше в гроб кладут», – сказала она, увидев меня. Я же была ей признательна за помощь в трудную минуту. За то, что готовила нам куриные бульоны и паровые котлеты, делала уколы, пичкала витаминами и какими-то иммуностимуляторами. Стараниями Ольги удалось избежать осложнений после гриппа у Максима Максимовича. И все-таки между нами, Ольгой и мной, осталось что-то непреодолимое. Мы никогда не станем подругами или просто приятельницами. И дело здесь не в разнице возрастов, а в каком-то необъяснимом внутреннем отрицании.

Когда муж и свекор выздоровели, визиты Ольги прекратились, я спросила мужа:

– Сколько ты ей заплатил?

Вопрос почему-то обидел Виктора.

– Это для Ольги не бизнес.

– А что тогда? Бизнес, кстати, не ругательное слово. И получать деньги за отлично выполненную работу не зазорно.

Муж ушел от ответа.

На работу я вышла через десять дней. Что происходило все это время на фирме, я не знала. Не успела обзавестись приятельницами из соседних отделов, и никто меня не информировал, не доносил сплетни и факты. В кабинете меня встретила странная пустота: на столах Эдуарда Филипповича и Нонны Эдуардовны только компьютеры и телефоны, ни стопок бумаг, ни папок с документами, ни ручек – ничего. Я не успела осмыслить ситуацию, как раздался звонок. Это была секретарь главного-главного, она сказала, что я должна явиться к нему через пятнадцать минут.

– Хорошо, – растерянно согласилась я, как будто спрашивали моего согласия. – А вы не знаете, где Эдуард Филиппович и Нонна...

– Они уволены, – коротко ответила секретарь и положила трубку.

Вот так номер! Значит, моя выходка на совещании имела большие последствия. Теперь меня выкинут за дверь, как нашкодившего котенка? Но для этого не требуется приглашать на небеса.

С небожителем, с главным-главным, я разговаривала без страха и трепета исключительно потому, что ослабела после болезни. И еще я забыла, как его зовут. Фамилию помнила, а имя и отчество вылетели из памяти. У меня никогда не было возможности обращаться к нему по имени-отчеству. Да и вообще возможности общаться с ним.

– Вас не было на работе десять дней, – сказал он, поздоровавшись и предложив мне присаживаться.

– Болела гриппом.

– Каменный век, – сморщился, как от кислого, главный-главный. – В наше время болеть гриппом и вообще болеть, когда есть масса профилактических средств... Но мы с вами о медицине говорить не будем. Что же мне с вами делать, Виктория Потемкина, двадцати одного года, замужем, – сверился он с листком, лежащим на столе, – студентка четвертого курса нашего distinguished университета, в котором ничему толковому научить не могут?

– Не знаю, – пробормотала я, а потом неожиданно для самой себя, как бы оправдываясь, заговорила о том отчете: – Понимаете, это не могло быть случайной арифметической ошибкой...

– Мы во всем разобрались, – перебил главный-главный. – Но это... – запнулся он.

– Не моего ума дело? – подсказала я.

– Пока не вашего ума. Я хочу вам предложить должность, с испытательным сроком, естественно, которую прежде занимала Нонна Филипповна.

– Эдуардовна.

– Что?

– Ее звали Нонна Эдуардовна.

Почему-то я произнесла «звали» – в прошедшем времени, словно похоронила женщину. Я не поняла, что мне предлагается. Это было настолько фантастично, что я не могла с ходу поверить.

– Перебивать начальство по пустякам, – погрозил пальцем главный-главный, – нарушение служебной этики.

– Извините.

– Условия работы, оклад и прочее я обсуждать с вами не буду. Они вас не разочаруют. И будущий руководитель тоже понравится. Но я хочу, чтобы вы, Виктория Потемкина, твердо поняли одну вещь. Вам выпал шанс, которого больше никогда не выпадет, потому что в бизнесе все друг другу знают цену. У вас еще нет цены, вам ее нужно заработать. – Он сделал паузу. – Или не заработать. И еще. Вы молодая женщина, вздумаете рожать...

– Нет! – воскликнула я. – Мы пока не планируем детей.

– Вот и лады. Дерзайте! До свидания!

Моя жизнь совершила головокружительный оборот. Зарплата – в пять раз больше прежней, плюс премии – квартальные, по итогам года, «лечебные» к отпуску, плюс медицинская страховка для меня и мужа, плюс мелочи вроде оплачиваемого сотового телефона и машина, не персональная, но каждое утро забирающая меня от дома и вечером возвращающая домой. А руководителем отдела стал Казаков Федор Михайлович, мой любимый университетский преподаватель. Бабушка говорила, что с начальством везет один раз в жизни. Этот раз мне и выпал.

Федор Михайлович не жалел времени, растолковывая мне премудрости финансовой науки. Работать с ним было интересно, да что там интересно – вдохновенно. Мои промашки Федор Михайлович покрывал, а мало-мальские успехи превозносил. У меня было ощущение,

как ни смешно звучит, растущих мозгов. Будто мой ум, как растение водой, питается новыми знаниями – растет, крепнет, набирает силу.

Единственной проблемой была влюбленность в меня Федора Михайловича. Натуральная влюбленность мужчины в женщину. Я и в университете замечала, что он на меня поглядывает особенно. Когда же стали работать вместе, чувство его расцвело. «Неровно дышит» – так моя бабушка определяла подобное мужское состояние. «Иногда вовсе не дышит», – добавила бы я. Подниму голову – замер, смотрит с болезненным обожанием. Отвернусь, как будто не заметила.

Чтобы не внушать несбыточных надежд, пресечь возможные объяснения, я изображала молодую жену, пылко влюбленную в мужа. К месту и не к месту вспоминала и цитировала Виктора: он то-то сказал, он вот так об этом думает. Мне это давалось без труда. Я на самом деле очень любила мужа.

Но в нашей семье становилось все хуже и хуже.

* * *

Однажды я ехала домой в автобусе. Рядом, отвернувшись к окну, сидела женщина. Она тихо плакала, изредка всхлипывая.

– У вас горе? – спросила я.

Она покивала головой, а потом помотала. И да, и нет.

– Закон подлости, – сказала она. – И ни разу исключения не было.

– Что вы имеете в виду?

– Если на работе все отлично, то дома обязательно раздрай. Если дома благодать, то обязательно в кассе недостача или контрольная закупка со штрафами. Я в магазине работаю, – пояснила она.

– А сейчас где проблемы?

– Дома. Муж запил со страшной силой, вещи из квартиры выносит. А на работе меня в завсекцией перевели и премию дали.

– Жизнь как зебра, – успокаивающе сказала я. – Черная полоса сменяется светлой.

– Нет. Жизнь – это весы, на которых никогда не бывает равновесия.

Примитивная философия продавщицы мне теперь часто вспоминалась. Ну почему нельзя, чтобы везде было замечательно? Кто виноват и что делать? Я считала, что виноват Виктор, а что делать, не знала. Он конечно же винил меня, но также не знал, что делать.

Как на грех, я забеременела. От мужа скрыла, сделала микроаборт. Я считала, что в данных обстоятельствах, при тех перспективах, которые передо мной открываются, это самое правильное решение. Но Виктор наверняка так не посчитал бы и взбесился. В последнее время он очень переменился. С одной стороны, относился ко мне подчеркнуто вежливо, как к дальней родственнице, с другой стороны, на корню пресекал все мои попытки наладить отношения, выяснить их. Он затыкал мне рот, стоило завести разговор о наших проблемах.

– Я это слышал тысячу раз, – говорил Виктор. – И две тысячи раз объяснял тебе свою позицию. Хватит, надоело!

Однажды заявил мне:

– Твои мозги растут для бизнеса в ущерб нормальной женственности.

Я с ним поделилась своим ощущением «растущих мозгов», и вот так мне аукнулось.

Кроме главных разногласий: моей работы, откладывания ребенка, Витино прозябания на занюханном заводийшке – стали часто появляться, как снежный ком расти, мелкие поводы для ссор. Эти поводы, конечно, давала я. Не купила свекру лекарство, не получила Витин костюм из химчистки, не пришила оторвавшиеся пуговицы к сорочке. А когда мне успевать? И вообще, я не начитанная, не слежу за современной литературой. А когда мне читать, скажите

на милость? Я работаю как лошадь и учусь отлично, драю квартиру, обстирываю, обглаживаю и кормлю двух мужиков. Витя не рассыпался бы, покупая продукты по дороге домой. А Максим Максимович вместо того, чтобы газетки читать и телевизор смотреть, мог бы помыть посуду. Не умер бы у раковины.

Максим Максимович никогда не был свидетелем и тем более участником наших ссор. Однако не мог не замечать, что у нас проблемы. Свекор делал вид, что все прекрасно в нашем королевстве.

На его помощь мне рассчитывать не приходилось, хотя часто подмывало попросить об этой помощи – втолкуйте Вите! Максим Максимович, как я считала, меня любил. Как дочь. Я ошибалась.

Несмотря на ссоры, на мужнину холодность, краха я не ожидала, я думала – перемелется. Ведь не бывает супругов, которым нечего перемалывать.

Поздним вечером мы сидели на тесной кухне с Максимом Максимовичем, пили чай. Виктор задерживался. У них на заводе очередной аврал. Когда авралы каждую неделю, то это уже система – полный швах. Только наивный глупец может не понимать.

Максим Максимович, как обычно, рассказывал, какой замечательной была Анна Дмитриевна – тонкой и веселой, умной и затейливой. Они прожили счастливую жизнь. Я слышала это десятки раз. Затейницу Анну Дмитриевну не во что было одеть, чтобы в гроб положить, – ни одной приличной сорочки или трусов без дырок. Я по магазинам бегала, все новое покупала.

Мои мысли были о своем, поэтому я сказала со вздохом:

– Наверное, Виктор хотел, чтобы его жена походила на его маму. Но я совсем другая, у меня не получается.

– Ах, Вика! Вы чудная и удивительная! Вы прекрасная! – Он взял мою руку и поцеловал.

– Спасибо, Максим Максимович!

Не отпуская мою руку, на которую смотрел, как на драгоценность, он вдруг забормотал:

– Во мне столько нежности... столько нерастраченной нежности...

Он покрывал мою руку поцелуями, двигаясь все выше и выше, к локтю. И говорил, говорил...

Не могу найти верное слово, чтобы описать мое состояние. Наверное, это был шок. Но шок многоярусный. Рвотный шок, который испытывает человек, видя обезображенный труп. Шок внезапной обиды, предательства, разочарования, порушенных надежд и миропонимания, ощущение собственной ничтожности. Как он мог подумать, что со мной можно *так*?

На несколько секунд я впала в ступор, и только когда Максим Максимович поднял вторую руку, чтобы обнять меня, вырвалась, вскочила.

Я не подыскивала выражений, я выпалила первое, сорвавшееся с языка:

– Старый развратник!

Максим Максимович всхлипнул, закрыл лицо руками и выбежал из кухни.

Открылась входная дверь, пришел муж. Он заглянул на кухню:

– Привет! Я голодный как волк. Накормишь?

Не чмокнул дежурно в щечку, пошел переодеваться, мыть руки.

Когда Виктор снова вошел на кухню, я еще не пришла в себя. Стояла истуканом, не могла поверить в случившееся. Может, оно мне приснилось?

Виктор со ставшей в последнее время привычной иронией спросил:

– Эй, ты чего застыла? Бизнес не клеится? А поесть усталому труженику? Папа спит?

– Папа... твой папа сейчас... ко мне, со мной... хотел...

– Замолчи! – переменялся в лице Виктор.

– Он говорил... целовал... Это ужас!

И тут мой муж размахнулся и ударил меня по лицу. Я полетела в сторону двери и упала на пол. Мне было больно, жутко, страшно. Я на четвереньках поползла в коридор, с трудом поднялась. У меня провалилась земля под ногами, мне не на что было опереться в жизни. Если муж меня бьет, значит, я лечу в преисподнюю. Я стремилась удержаться на поверхности, помчалась в комнату Максима Максимовича, распахнула дверь.

Закричала:

– Он бьет меня! Бьет! Скажите ему, что вы сами, сами!

Максим Максимович сидел на кровати, закрыв ладонями лицо, раскачивался и стонал.

Сзади, за плечи, меня схватили руки Виктора. Руки, которые столько раз ласкали меня, дарили божественное наслаждение, которые я любила до спазма в горле. Теперь они стали грубыми клешнями жестокого чужака.

Виктор вытолкнул меня в другую комнату.

– Убирайся! – велел он. – Убирайся отсюда и никогда больше не появляйся!

– Я не виновата...

– Пошла вон, я сказал!

Схватив сумочку, я выскочила на улицу, поймала такси, примчалась к девочкам в общежитие. Вахтерша пропустила меня со словами: «Я ж говорила!»

Потом я сняла однокомнатную квартиру. Могла себе позволить, я хорошо зарабатывала.

Виктор

После женитьбы мое имя стали часто употреблять с ненавистным мне ударением – Вик-тór, потому что жену зовут Виктория. Есть замечательный американский фильм с Джули Эндрюс и Джеймсом Гарнером в главных ролях «Виктór и Виктория». Моя жена несколько похожа на Джули Эндрюс в молодости, в ней тоже бездна обаяния. У меня с красавчиком Гарнером нет ничего общего, хотя и я симпатяга, каких поискать.

Смазливость была моим проклятием с детства. Родители рассказывали, что, заглядывая в коляску, знакомые умилялись – ангел! Я подрос, и меня часто принимали за хорошенькую девочку с белыми кудряшками. Лет с восьми я стал требовать, чтобы меня стригли налысо. Уступил просьбам мамы – на голове у меня оставляли маленькую челку.

Однажды мы столкнулись на улице с бывшей соседкой, не виделись лет пять. Моя прическа «почти под нолик» ее не смутила. Женщина всплеснула руками:

– Такой же хорошенький! А малышом был вообще похож на маленького Ленина.

Мне захотелось пнуть эту тетку ногой или укусить за руку. Мама отлично поняла мое настроение и быстро распрощалась с ней.

– Расскажу тебе одну историю, – говорила мама по дороге. – Когда я училась в первом классе, нас должны были принять в октябрята. Это было большое и волнительное событие, потому что на груди, на школьном фартуке, засияет звездочка с портретом Ильича. Готовились мы ответственно: читали рассказы про детство вождя, учили стихи, ему посвященные, и так далее. И вот однажды, когда мы после уроков репетировали предстоящие выступления на торжественной линейке, в класс заглянула нянечка – так раньше называли в школе уборщиц – и сообщает (представь!): «Там пришел дедушка Ленин». Мы оторопели, потом возликовали и гурьбой бросились из класса. Но в коридоре стоял обыкновенный дядечка, совершенно не похожий на вождя. Девочка, которую звали Леной, воскликнула: «Это же просто мой дедушка!»

Я расхохотался, и дальнейший путь мы с мамой пропрыгали: нужно было так скакать по тротуару, чтобы не наступать на трещины в асфальте.

Мама обладала завидным чувством юмора и была неистощима на выдумки. В нашем доме постоянно звучал смех, и жизнь до болезни мамы мне помнится бесконечной веселой игрой. Конечно, по мере того, как я рос, игры усложнялись.

Я был достаточно вредным и своевольным пацаном, но мама умела найти ко мне ключик. Помню, лет в десять мама будит меня утром, а я ни в какую не хочу вставать.

Капризничаю и упрямствую:

– А почему я должен вставать, когда мне хочется спать? Не буду одеваться и зубы чистить не буду! Ничего не буду!

– Хорошо! – мирно соглашается мама. – Только я думала, что мы с тобой поиграем в игру: найди то, что не спрятано. В данном случае – твои шорты. Они на виду, но попробуй отыщи.

Я вскакиваю и начинаю рыскать по комнате. Открываю ящики шкафов, заглядываю за диван.

– Не спрятано, не спрятано, – улыбается мама. – На самом-самом виду.

На помощь я призываю папу, и мы вдвоем кружим по комнате, мама смеется.

– Иногда, чтобы узнать ответ, надо посмотреть на небо, – подсказывает мама.

Шорты висели на люстре.

Эта люстра со множеством хрустальных висюлек досталась от бабушки, папиной мамы, по наследству. Мама, кажется, не очень любила люстру, но разговаривала с ней:

– Я тебя помою. Когда-нибудь. А может, пыль веков тебе дорога? Отлично, договорились. Подкопим истории.

Мы редко смотрели телевизор, у нас находились более интересные занятия. Шарады, ребусы, головоломки, морской бой, а то и просто бой – подушками. Еще до школы я стал играть с папой в шахматы, а с мамой – в шашки. У меня были все настольные игры, которые можно было достать, и резались мы в них с большим азартом. Смешно сказать, я уже учился в институте, но иногда вечерами мы доставали потрепанные коробки с этими настольными играми, чтобы скоротать вечер.

Когда я потребовал играть в карты, мама сделала круглые глаза и спросила папу:

– Максик, карты – это ведь притон, разврат, ром и виски, алкоголизм, долговая тюрьма.

– Ты преувеличиваешь, Нюрочка.

– Неужели карты что-то развивают?

– Если есть чему развиваться.

– А у нашего сына есть?

– Посмотрим. Я предлагаю «дурачка» пропустить, начать с покера и затем перейти к преферансу.

«Карточный» период был достаточно долгим. Мы играли на конфеты, на желание и даже на раздевание. Хитрая мама капустой нарядилась – в пять платьев, кофт и юбок. Мы с папой до трусов проигрались, а она восседала, прилично выглядя.

Родители, полувсерьез, полудурачась, любили говорить обо мне как об отсутствующем персонаже.

– Максик! Учительница в школе сказала, что наш сын выкрал из кабинета биологии скелет человека, а из кабинета директора – его пальто и шляпу. Нарядил скелета и поставил рядом с учительской.

– Нет, Нюрочка, не верь. Наш сын не мог воровать. Это был какой-то хулиганствующий преступник.

– Значит, надо в милицию заявить?

– Непременно!

– Напишем заявление или просто позвоним в отделение? Гражданская совесть требует не оставить без внимания этот вопиющий поступок.

– Совесть на первом месте. Давай и то и другое. Ты звони в милицию, а я сяду писать заявление, утром занесу в отделение около универмага.

– Не надо звонить и писать! Ну, я это, я!

Ноль внимания, как будто глухие и слепые.

– Знаешь, Максик, – сказала мама, – меня волнует, что наш сын не понимает, что воровать, даже в шутку, нельзя. Как ему внушить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.